

Научная статья
УДК 94(470)
DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-193-169-179

Социально-демографический облик евреев-революционеров (на материалах Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев)

Кузьма Александрович ЯКИМОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106
gnom-gnom123@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена изучению обобщенного социографического облика когорты евреев-революционеров. Участие евреев в революции рассмотрено как неотъемлемая составная часть общероссийского революционного процесса. В ходе исследования уточнена и конкретизирована роль и место евреев в российском революционном движении в конце XIX – начале XX века. Благодаря анализу персонифицированной электронной базы данных о евреях-революционерах, созданной на основе материалов Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, проанализирована структура социального происхождения, уровня образования и рода деятельности левого крыла политически активного еврейства. Показаны особенности политической социализации евреев, стесненных ограничительными статьями еврейского законодательства. Сделан вывод о том, что столь значительный процент евреев в революционном движении объясняется как многолетним развитием революционно-освободительного движения в черте оседлости, так и существованием многочисленных ограничений для представителей еврейской национальности.

Ключевые слова: евреи, революционное движение, социографический облик, черта оседлости, еврейское законодательство

Для цитирования: Якимов К.А. Социально-демографический облик евреев-революционеров (на материалах Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2021. Т. 26, № 193. С. 169-179. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-193-169-179>

Original article
DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-193-169-179

Social and demographic image of Jewish revolutionaries (based on materials from the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers)

Kuzma A. YAKIMOV

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russian Federation
gnom-gnom123@mail.ru

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](#)
Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](#)
© Якимов К.А., 2021

Abstract. The work is devoted to the study of the generalized sociographic image of the cohort of Jewish revolutionaries. The participation of Jews in the revolution is seen as an integral part of the all-Russian revolutionary process. In the course of the study, the role and place of Jews in the Russian revolutionary movement in the late 19th – early 20th centuries was clarified and concretized. Thanks to the analysis of a personalized electronic database on Jewish revolutionaries, created on the basis of materials from the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers, the structure of social origin, level of education and type of activity of the left wing of politically active Jewry has been analyzed. The features of the political socialization of Jews, constrained by restrictive articles of Jewish legislation, are shown. We come to the conclusion that such a significant percentage of Jews in the revolutionary movement is explained both by the long-term development of the revolutionary liberation movement in the Pale of Settlement, and by the existence of numerous restrictions for representatives of the Jewish nationality.

Keywords: Jews, revolutionary movement, sociographic identity, Pale of Settlement, Jewish legislation

For citation: Yakimov K.A. Sotsial'no-demograficheskiy oblik evreyev-revolutsionerov (namaterialakh Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev) [Social and demographic image of Jewish revolutionaries (based on materials from the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2021, vol. 26, no. 193, pp. 169-179. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-193-169-179> (In Russian, Abstr. in Engl.)

В процессе исследования биографического справочника «Политическая каторга и ссылка», состоящего из автобиографических анкет членов Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (далее – Общество), была составлена электронная база данных с дальнейшей выборкой и анализом совокупности евреев – ветеранов революционного движения. При этом следует учесть, что членами Общества могли быть только представители левого крыла политического спектра, а значит, среди них не было пред-

ставителей ни либеральных, ни тем более монархических партий и союзов.

Всего в ходе исследования было выявлено 598 евреев из примерно 2900 человек – общего числа членов Общества на 1934 г.¹ Таким образом, евреи составляли около 20 % всей совокупности [1, с. 18], что можно принять за базовый показатель, подтверждающий их активное участие в революционном процессе. Столь высокий процент евреев в

¹ Подсчитано по: Политическая каторга и ссылка.

составе революционного движения был обусловлен многими факторами, главным из которых, безусловно, было их угнетенное положение в составе Российской империи. Существование черты оседлости, процентной нормы для евреев, поступающих в университеты и гимназии, наряду с периодическими «еврейскими погромами» выталкивали наиболее активную часть еврейства в революцию. Как верно заметил П.А. Ландау, для евреев, как нации, угнетенной экономически и политически, были особо привлекательны революционные идеи: равенство, братство, свобода [2, с. 59].

Одним из главных лозунгов российской революции было требование еврейского равноправия. Урбанизированный, достаточно грамотный народ, ограниченный в праве выбора места жительства, выбора профессии, получения образования породил массу людей, сделавших борьбу против существующего режима главной целью своей жизни. Евреи, учившиеся в русских гимназиях, в силу своего угнетенного положения быстро впитывали революционные идеи, и не только на интеллектуальном, но и на эмоциональном уровне.

Следует отметить, что в составе Общества среди лиц еврейской национальности заметно преобладание представителей мужского пола – 497 человек (80,8 %). Таким образом, число мужчин среди них четырехкратно превышало число женщин (19,2 %)². Судя по материалам исследований российской провинциальной политической элиты Л.Г. Протасовым и В.Л. Дьячковым, женщины составляли в ней всего 2 % от общего числа. В то же время процент евреек в доле национального состава в 2,5 раза выше соответствующего показателя у мужчин, что свидетельствует о заметно большей силе политического порыва еврейских девушек за пределы местечковых мирков, ограниченных дискриминационным законодательством, а также особенностями жизненного уклада, существенно сужавшими возможности реализовать женскую еврейскую пассионарность в

таких прибыльных сферах, как предпринимательство, коммерция, медицина, наука, образование и художественная культура [3, с. 25-27].

Неоспорим факт весьма активной включенности еврейских женщин в революционный процесс, многие из которых стали фигурами первой величины на общероссийском политическом фоне. Среди членов Общества были известные деятельницы народнического движения Г.Н. Добрускина, Н.О. Коган-Бернштейн, Ф.А. Морейнис, анархо-коммунистка О.И. Таратута, большевичка Л.Н. Сталь. Отсутствие в Обществе видных большевичек объясняется тем, что после Октября 1917 г. большая их часть оказалась «при деле» и не испытывала потребности вхождения в его состав.

Социографическую характеристику выборки евреев-революционеров целесообразно начать, как это и делается во всех личных анкетах, с возрастных показателей. Возраст для политика – величина значимая и вполне конкретная. Именно возрастной показатель незримо связывает человека с исторической эпохой, в которой он приобщился к политике, с теми идеями и организациями, которые тогда доминировали (рис. 1).

Даже поверхностный взгляд на диаграмму рождений евреев-революционеров по десятилетиям с 1850-х до 1900-х гг. обнаруживает огромное преобладание поколения уроженцев 1880-х гг. – 414 человек (70,53 %). Другая характерная тенденция – из десятилетия в десятилетие идет увеличение числа революционеров вплоть до начала 1890-х гг.: в 1850–1859 гг. – только 10 человек (1,7 %), в 1860–1869 гг. – 22 (3,75 %), в 1870–1879 гг. – 62 (10,56 %), в 1880–1889 гг. – 414 (70,53 %), с вполне объяснимым снижением в 1890–1899 гг. – 79 (13,46 %)³. Относительно невысокий процент последнего поколения евреев-революционеров обусловлен тем, что к началу системного социально-политического кризиса Российской империи в первые годы XX века они еще физически не «созрели» для политики. В связи с этим уместно напомнить,

² Подсчитано по: Политическая каторга и ссылка.

³ Подсчитано по: Политическая каторга и ссылка.

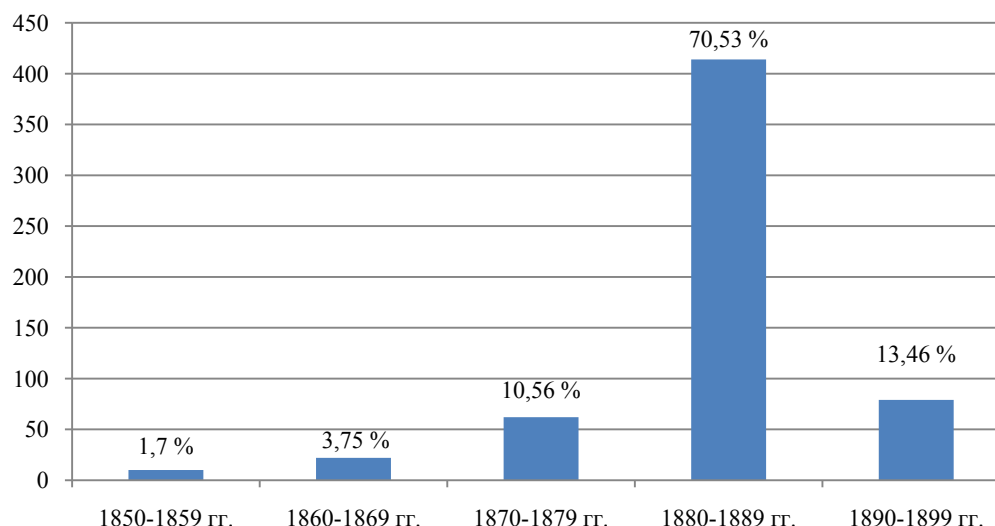

Рис. 1. Движение рождений евреев по десятилетиям рождения, в %
Fig. 1. Movement of births of Jews by decades of birth, in %

что одним из обязательных условий приема в Общество было наличие непрерывного революционного стажа не менее 25 лет или 4 года пережитых репрессий [4]. Из этого условия по умолчанию следует вывод, что рассматриваемая нами когорта революционеров могла быть несколько старше всей совокупности.

Обратимся к другому социографическому показателю, существенному для выявления облика всей исследуемой когорты революционеров, – месту их рождения.

Абсолютное большинство евреев, членов Общества, было рождено на территории черты оседлости – 465 человек (83,63 %)⁴. Ее границы указаны на карте (рис. 2). Это вполне объяснимо, поскольку еще до своего рождения они были «привязаны» ограничительным законодательством к черте еврейской оседлости, общая площадь которой превышала 1224 тыс. кв. км [5, с. 23].

Однако и в черте оседлости существовали ограничения: евреям было запрещено селиться в пятидесятиверстной полосе вдоль западной границы вплоть до 1904 г. Евреев,

обладавших исключительным правом селиться вне черты оседлости, разумеется, было немного. Среди «лиц иудейского вероисповедания» в российских губерниях могли жить купцы первой гильдии, лица с высшим образованием, а также мастера дефицитных ремесел, караимы. Правом временного проживания обладали студенты, купцы низших гильдий, ученики ремесленников.

Сравнительно много евреев-революционеров были уроженцами Херсонской (11,33 %) и Могилевской (9,35 %) губерний, в то время как в Келецкой и Плоцкой губерниях этот процент был значительно ниже – по 0,18 %⁵. Однако это вполне объяснимо тем, что площадь и населенность польских губерний были значительно меньше. Напрашивается также вывод, что степень угнетения и дискриминации в них была также иной, и стимулов к революционной деятельности в местностях, примыкавших к европейским границам империи, было меньше.

⁴ Подсчитано по: Политическая каторга и ссылка.

⁵ Подсчитано по: Политическая каторга и ссылка.

<i>Места рождений в черте оседлости</i>	<i>в (%)</i>
Бессарабская губерния	3,78%
Виленская губерния	4,32%
Витебская губерния	6,29%
Волынская губерния	2,16%
Варшавская губерния	4,14%
Гродненская губерния	5,04%
Екатеринославская губерния	4,68%
Калишская губерния	0,90%
Киевская губерния	5,94%
Клецкая губерния	0,18%
Ковенская губерния	2,34%
Ломжинская губерния	0,54%
Люблинская губерния	0,72%
Минская губерния	4,86%
Могилевская губерния	9,35%
Петроковская губерния	1,98%
Полоцкая губерния	0,18%
Подольская губерния	2,70%
Полтавская губерния	3,24%
Седлецкая губерния	1,44%
Суздальская губерния	0,00%
Таврическая губерния	3,60%
Херсонская губерния	11,33%
Черниговская губерния	3,96%
Всего	83,63%

Рис. 2. Места рождений евреев-революционеров в черте оседлости, в %

Fig. 2. Places of birth of Jewish revolutionaries within the Pale of Settlement, in %

Вместе с тем среди членов Общества более 90 евреев, или 16,37 %, родились за пределами черты оседлости (рис. 3). Трое из них были уроженцами Санкт-Петербурга: С.М. Розонер, И.Л. Либгот, Ф.Н. Радзиловская. В Москве родились Е.Я. Гуревич-Фрейфельд, А.Л. Поддубовский, С.Е. Сталкин. Был среди них и уроженец Тамбовской губернии Л.А. Лейзеров.

Социальный состав и происхождение еврейской части Общества также во многом были обусловлены хозяйственно-бытовым укладом местного населения и ограничительными статьями законодательства (рис. 4).

Формально говоря, более 80 % всех евреев из числа членов Общества были город-

скими жителями. Эта цифра не кажется удивительной, поскольку в действительности это были не столько города в полном смысле слова как административные и промышленные центры, сколько местечки – мелкие неземледельческие поселения с еврейским торгово-ремесленным населением.

Этим объясняется и другое важное наблюдение, а именно: преобладающее большинство евреев-революционеров были выходцами из мещанской среды – 387 человек (86 %). Показательно, что всего лишь 54 члена Общества указали на свое происхождение из рабочего класса, хотя, несомненно, в 1920-е гг. оно считалось престижным и повышало социальный статус. В то же время только 8

<i>Места рождений вне черты оседлости</i>	<i>в (%)</i>
Астраханская губерния	0,36%
Бакинская губерния	0,18%
Вятская губерния	0,36%
Гомельская губерния	1,08%
Енисейская губерния	0,36%
Забайкальская область	0,72%
Иркутская губерния	0,36%
Калужская губерния	0,18%
Каменец-Подольская губерния	0,36%
Кубанская область	0,18%
Курляндская губерния	0,90%
Курская губерния	0,18%
Лифляндская губерния	1,62%
Московская губерния	0,54%
область войска Донского	1,26%
Оренбургская губерния	0,18%
Пермская губерния	0,18%
Радомская губерния	1,26%
Самарская губерния	0,36%
Санкт-Петербургская губерния	1,44%
Саратовская губерния	0,18%
Симбирская губерния	0,18%
Смоленская губерния	1,44%
Ставропольская губерния	1,08%
Сырдарьинская область	0,18%
Тамбовская губерния	0,18%
Тифлисская губерния	0,18%
Томская губерния	0,36%
Харьковская губерния	0,54%
Всего	16,37%

Рис. 3. Места рождений евреев-революционеров вне черты оседлости, в %
Fig. 3. Places of birth of Jewish revolutionaries outside the Pale of Settlement, in %

человек были выходцами из крестьянского сословия, и лишь один (социал-демократка М.М. Еварович) происходил из семьи раввина, то есть из духовного сословия, которое в своем русском варианте давало немало диссидентов. В целом можно сказать, что социальное происхождение евреев-революционеров в общем и целом идентично отражало состав преимущественно местечкового торгово-ремесленного населения черты еврейской оседлости. По подсчетам О.В. Будницкого, в конце

XIX века евреи составляли около 40 % всех занятых в торговле в Российской империи, а в черте оседлости их число достигало 72,8 % [6, с. 26].

Обратимся к образовательным параметрам исследуемой когорты, которые, вне всяких сомнений, являлись весомым социализирующим фактором и определенным образом формировали облик и поведение евреев-революционеров (рис. 5).

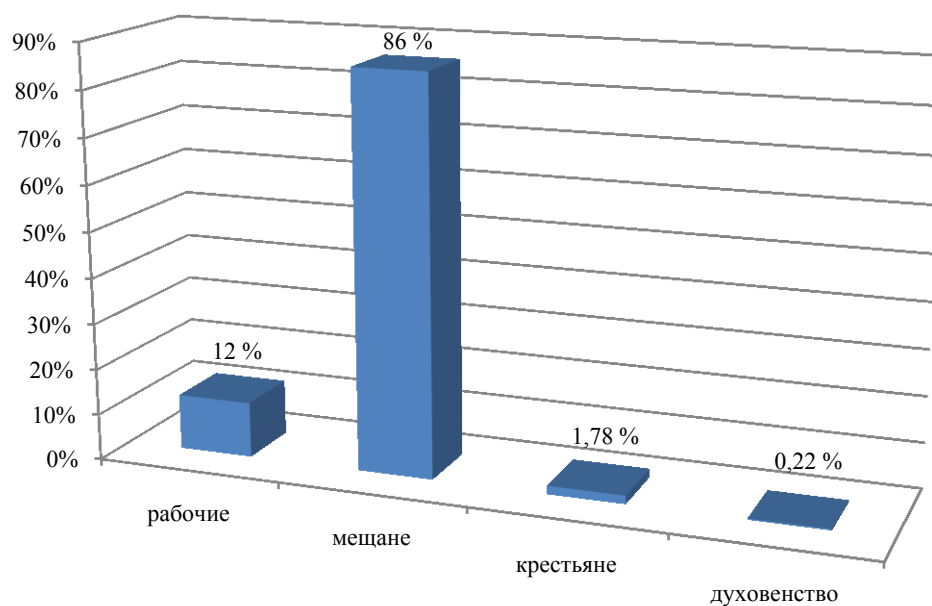

Рис. 4. Социальное происхождение евреев-революционеров, в %
Fig. 4. Social origin of Jewish revolutionaries, in %

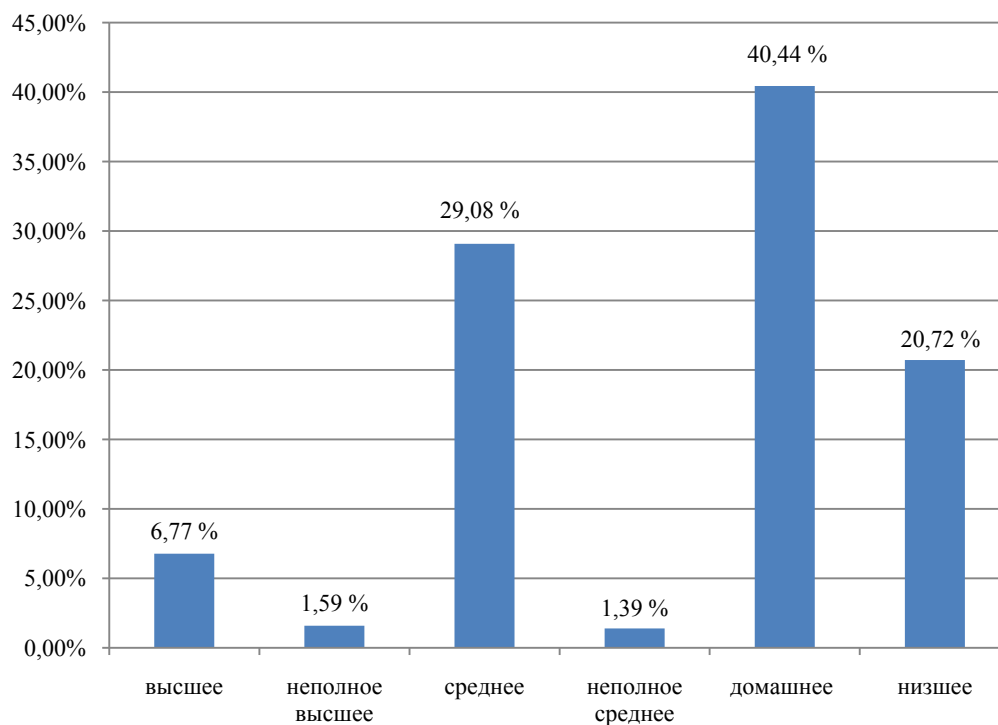

Рис. 5. Структура образования евреев-революционеров, в %
Fig. 5. Structure of education of Jewish revolutionaries, %

Согласно полученным в ходе исследования данным, в целом уровень образования преобладающего числа евреев-революционеров – членов Общества был невелик; большинство имели только домашнее образование – 203 человека (40,44 %). На территории черты оседлости не было земских школ, поэтому столь распространенным было получение домашнего образования, которое фактически было не выше уровня начального. «Низшее образование» было у 104 человек (20,72 %), среднее образование получили 153 (29,08 %), из них только семеро (1,39 %) не завершили обучение⁶. Однако, учитывая тот факт, что большинство евреев (77,2 %) по своей занятости были рабочими самых различных специальностей, им было вполне достаточно обучения основам грамотности и не требовался высокий уровень образованности, получение которого означало зачастую полную смену привычного жизненного уклада, выход из традиционной еврейской общины.

Характерной для революционной элиты чертой была незавершенность образования, особенно высшего. Их политическая социализация, как правило, приходилась на годы университетского обучения, и за это приходилось расплачиваться достаточно дорогой ценой – отсутствием системного высшего образования. Из 42 евреев (16,77 %), членов Общества, обучавшихся в вузах, не доучились 8 человек (1,59 %). За более или менее активным включением в политическую деятельность, легальную, а чаще подпольную, почти всегда следовал довольно скорый арест с последующим исключением из университета и высылкой, а то и тюремным заключением. Так, Феликс Яковлевич Кон, польский революционер еврейского происхождения, в 1884 г. в 20-летнем возрасте был исключен из Варшавского университета за принадлежность к партии «Пролетариат» и осужден на 10 лет каторги. Отбывая ее и последующее поселение в Сибири, Ф.Я. Кон много занимался наукой, преимущественно этнографией, но высшего образования не получил. В подобном положении был Алек-

сандр Николаевич Бибергаль, активный участник революционного движения, который после Керченской гимназии обучался в Медико-хирургической академии и был арестован во время демонстрации у Казанского собора в Петербурге в 1878 г.

Сравним показатель наличия высшего образования среди евреев-революционеров (8,4 %) с аналогичным показателем евреев, состоявших в политической элите России начала XX века – 48,8 %. Последняя цифра говорит, что «принятие православия и получение хорошего образования с выгодной специальностью было пропуском в лучшую жизнь в России» [4, с. 52]. Но этот путь был явно не для тех, кто в итоге избирал революционное поприще. В структуре высшего образования у евреев-революционеров преобладало медицинское и юридическое, что также показательно. Первая специализация была наиболее им доступна, вторая специализация вооружала их знанием законов и необходимыми связями в противоборстве с бюрократической системой, давала возможность защищать себе подобных.

Рассмотрим структуру образования через призму партийно-политического спектра (табл. 1).

Как видно из табл. 1, в самой революционной среде образовательные различия не могли быть существенными, учитывая общность прочих социальных показателей. Любопытно, что самый высокий процент – 47,8 % – в графах высшего и неполного высшего образования был у «старых народников» – членов «Земли и воли», «Народной воли», «Черного передела». В то время как у большинства евреев-революционеров преобладала доля низшего образования: Бунд – 50 %, ПСР – 43 %, СЕРП (Социалистическая еврейская рабочая партия) – 61,5 %, анархисты – 36,9 %. Возможно, у членов Бунда и СЕРПа это было связано с тяготением к этнической замкнутости, характерной для этих партий. Наличие среднего образования было доминирующим среди социал-демократов – 34 %. Для бывших членов Польской социалистической партии, имея в виду показа-

⁶ Подсчитано по: Политическая каторга и ссылка.

тельно низкий уровень образованности, надо учесть, что это были политические «изгои», которым тогда не нашлось места в самостоятельном Польском государстве, в том числе, вероятно, и по недостатку образования.

Род занятий евреев-революционеров (рис. 6) далеко не всегда соответствовал выбранной ими профессии. Понятно, что евреям, примкнувшим к революционному движению, зачастую приходилось менять место жительства, а иногда и вовсе уезжать из страны, скрываясь от полицейских преследований. При этом многие из них принимали псевдонимы, а также намеренно не устраивались на работу по полученной профессии.

Среди евреев, членов Общества, 294 человека (76,37 %) по роду своей деятельности относятся к социальному классу наемных работников. Достаточно широко представлена специализация рабочих профессий: много слесарей, столяров, ткачей, встречаются фабричные рабочие, маляры, токари, строители. К ним примыкают люди ремесленных специальностей (кожевники, портные, сапожники и пр.), очевидно, работавшие на заказ.

Второй по численности категорией идут служащие различных государственных, общественных и частных учреждений – 36 (9,45 %). К интеллигенции следует отнести врачей (21 человек, или 5,51 %), педагогов – 12 (3,15 %), инженеров – 4 (1,05 %), воен-

ных – 4 (1,05 %), торговцев – 0,79 %, а также журналистов, литераторов, фотографов – 7 (2,63 %).

Особо отметим тех из членов Общества, кто указал себя в автобиографии в качестве профессиональных революционеров. Формально они значились безработными или именовались литераторами, журналистами, но жили на деньги своей партии, ведя при этом активную и, чаще всего, функциональную революционную деятельность. Среди них были Х.Г. Айзенберг, примкнувшая в 1908 г. к анархо-коммунистам, социал-демократы Н.М. Беркович, В.Я. Рабинович-Вольнский. Фактически же число «профессиональных революционеров» было больше, но лишь немногие решались так себя идентифицировать: к 1930-м гг. это обозначение приняло официальный характер и применялось лишь к наиболее известным деятелям большевистской партии.

Таким образом, преобладающее большинство евреев-революционеров были уроженцами черты оседлости, что вполне объяснимо существованием ограничений для евреев в праве самостоятельного выбора места жительства. При этом наибольшая часть политически активного еврейства были горожанами, в связи с чем вполне объяснимо преобладание в структуре социального происхождения выходцев из мещанской среды. В общем составе евреев-революционеров

Таблица 1
Образование и партийность евреев-революционеров, в %
Table 1
Education and party membership of Jewish revolutionaries, in %

Партийность/ образование	Высшее	Неполное высшее	Среднее	Неполное среднее	Низшее	Домашнее
РСДРП	6,8	1,0	34,0	1,6	23,6	33,0
Бунд	6,4	1,8	20,9	–	20,9	50,0
ПСР	6,4	1,8	29,1	0,9	18,8	43
СЕРП	–	–	23,1	7,7	7,7	61,5
Анархисты	4,4	–	28,3	1,1	29,3	36,9
ППС	–	8,3	16,7	8,3	25,0	41,7
Народники	30,4	17,4	34,8	–	8,7	8,7

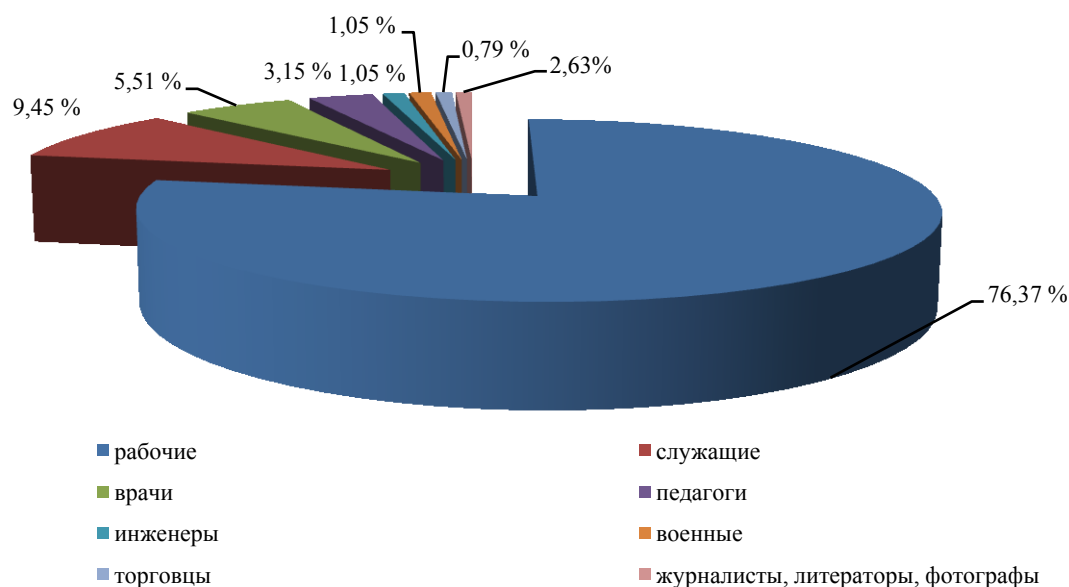

Рис. 6. Род занятий евреев-революционеров, в %
Fig. 6. Occupation of Jewish revolutionaries, in %

заметно превалировало поколение 1880-х гг., большей части которых в период первой российской революции было около 20 лет. Следует учесть, что именно еврейская молодежь была наиболее подвержена влиянию революционных лозунгов как в силу психолого-возрастных особенностей, так и по причине отсутствия обязательств семейных уз. В половозрастном составе вполне закономерно преобладание мужчин. Ограничения евреев в

получении высшего образования также служили одним из ключевых мотивов ухода еврейской молодежи в революционное движение. В то же время многие евреи впитывали революционные идеи именно в стенах университета. Нередко арест служил причиной отсутствия комплексности в получении образования среди политически активной части еврейства.

Список литературы

1. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация 1921–1935 / сост. Я. Леонтьев, М. Юнге. М.: «Звенья», 2004. 398 с.
2. Ландау П.А. Революционные идеи в еврейской общественности // Россия и Евреи. Париж: YMKA-Press, 1978. 107 с.
3. Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Политики российской провинции начала XX века: опыт изучения электронной базы данных // Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина. Тамбов, 2013. С. 22-42.
4. Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. «Мы все учились понемногу...» Образовательные цензы провинциальных политиков начала XX века // Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина. Тамбов, 2013. С. 43-53.

5. Галант И.В. Черта еврейской оседлости. М., 1915. 28 с.
6. Будницкий О.В. В чужом пиру похмелье (Евреи и русская революция) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 3 (13). С. 21-39.

References

1. Leontyev Y., Yunge M. (compilers). *Vsesoyuznoye obshchestvo politkatorzhan i ssyl'noposelentsev. Obrazovaniye, razvitiye, likvidatsiya 1921–1935* [All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers. Education, Development, Liquidation 1921–1935]. Moscow, “Zven’ya” Publ., 2004, 398 p. (In Russian).
2. Landau P.A. *Revolutsionnyye idei v evreyskoy obshchestvennosti* [Revolutionary ideas in the Jewish community]. *Rossiya i Evrei* [Russia and Jews]. Parizh, YMKA-Press, 1978, 107 p. (In Russian).
3. Dyachkov V.L., Protasov L.G. *Politiki rossiyskoy provintsii nachala XX veka: opyt izucheniya elektronnoy bazy dannykh* [Politicians of the Russian province of the early 20th century: the experience of studying an electronic database]. *Politicheskiye deyateli rossiyskoy provintsii ot epokhi Nikolaya II do Stalina* [Politicians of the Russian Province from the Era of Nicholas II to Stalin]. Tambov, 2013, pp. 22-42. (In Russian).
4. Dyachkov V.L., Protasov L.G. «My vse uchilis’ ponemnogo...» *Obrazovatel’nyye tsenzy provintsial’nykh politikov nachala XX veka* [“We all learned a little...” Educational qualifications of provincial politicians of the early 20th century]. *Politicheskiye deyateli rossiyskoy provintsii ot epokhi Nikolaya II do Stalina* [Politicians of the Russian Province from the Era of Nicholas II to Stalin]. Tambov, 2013, pp. 43-53. (In Russian).
5. Galant I.V. *Cherta evreyskoy osedlosti* [Jewish Pale of Settlement]. Moscow, 1915, 28 p. (In Russian).
6. Budnitskiy O.V. *V chuzhom piru pokhmel’ye (Evrei i russkaya revolyutsiya)* [Hangover in someone else's feast (Jews and the Russian revolution)]. *Vestnik Evreyskogo universiteta v Moskve* [Bulletin of the Jewish University in Moscow], 1996, no. 3 (13), pp. 21-39. (In Russian).

Информация об авторе

Якимов Кузьма Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и философия», Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация, gnom-gnom123@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1756-3515>

Статья поступила в редакцию 15.03.2021
Одобрена после рецензирования 14.04.2021
Принята к публикации 25.06.2021

Information about the author

Kuzma A. Yakimov, Candidate of History, Associate Professor of “History and Philosophy” Department, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, gnom-gnom123@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1756-3515>

The article was submitted 15.03.2021
Approved after reviewing 14.04.2021
Accepted for publication 25.06.2021